

которое действует как должно. Если же Gemiiit, напротив, отворачивается от глубины души, то все ее способности тем самым отворачиваются от Бога. Короче говоря, Gemiiit есть постоянное отношение души к своему истоку.

Задуманная таким образом структура души хорошо приспособлена для общения с Богом не только в плане сверхприродной жизни, но даже в плане познания природы. Всякий человек, вступающий в контакт со своим внутренним основанием, тотчас узнает там Бога, причем яснее, чем глаза его видят солнце: «Прокл и Платон достигли этого и дали ясное описание такого состояния для тех, кто не мог прийти к нему сам». Таким образом, Таулер вспоминает здесь тексты, где Августин соглашается, что некоторые философы смогли возвыситься до того, чтобы на мгновение увидеть божественный свет, но, с другой стороны, очевидно, что сам он узнал об этом, читая Прокла в переводе Вильгельма из Мёрбеке. Можно даже показать Хюгену, что в одной из проповедей, где Таулер цитирует Прокла, он, чтобы описать сосредоточение христианской души в своей собственной глубине, непосредственно вдохновляется одним фрагментом из трактата «О провидении и судьбе» («De providentia et fato»). Там этот неоплатоник предпринимает попытку вести своего ученика через Аристотеля к Платону и к своей доктрине божественного безумия. Если Таулер столь свободно использует учения философов, то он усиленно советует своим слушателям не стремиться достичь такого созерцания, не пройдя сперва обучения христианским добродетелям. Таково необходимое условие всякого истинного богопознания. Поэтому, буквально воспроизводя формулировку Пролога «Путеводителя души к Богу» св. Бонавен-туры, Таулер заявляет, что единственный путь, ведущий к этой цели, — это жизнь и страдания Иисуса Христа.

Необходимо помнить эти факты, чтобы не создавалось впечатления, будто все эти созерцатели были философами-платониками,

переодевшимися в монашеские одежды. Эти христиане, которые, будучи особенно заняты сверхприродным созерцанием, естественно пользуются обнаруженными в платонизме языком и интеллектуальной техникой, лучше приспособленными к их потребностям, нежели язык и техника аристотелевского эмпиризма. Это замечание применимо и к другому мистика — Яну Рейсбруку. Этот брабантский созерцатель создал книги с превосходными названиями: «Украшение духовных браков» и «Книга о двенадцати бегинках»*, которые остались в памяти даже